

Фрэнсис
Бёрнетт

Тайнственный

сад

Рисунки
О. Ионайтис

Annotation

Мери Леннокс была очень неприятным и несчастным ребенком. Она ругала слуг и гувернанток, ужасно относилась к соседским детям и заслужила всеобщую нелюбовь окружающих. Но в один момент жизнь ее резко изменилась, и девочка оказалась в имении своего дяди. Именно здесь и произошли основные события романа Фрэнсис Бёрнетт «Таинственный сад», романа, ставшего классикой детской литературы.

Для среднего школьного возраста.

- [Фрэнсис Бёрнетт](#)
    -
    -
    - [Глава I](#)
    - [Глава II](#)
    - [Глава III](#)
    - [Глава IV](#)
    - [Глава V](#)
    - [Глава VI](#)
    - [Глава VII](#)
    - [Глава VIII](#)
    - [Глава IX](#)
    - [Конец ознакомительного фрагмента.](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Фрэнсис Бёрнетт Таинственный сад

© Ионайтис О. Р., ил., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Глава I

Когда Мери Леннокс прислали жить к дяде, в Миссельтуэйт-Мэнор, все говорили, что она самый неприятный ребенок, какого им когда-либо приходилось видеть. Это была правда.

У нее было маленькое худое лицо и маленькое худое тело. Волосы у нее были белокурые, жидкие, а лицо, с вечно кислым выражением, желтое, потому что она родилась в Индии и вечно хворала то тем, то другим.

Отец ее состоял на службе у английского правительства, всегда бывал очень занят и тоже часто хворал, а мать ее была красавица, которая любила только бывать в гостях и веселиться в кругу веселых людей. Ей вовсе не нужен был ребенок, и, когда родилась Мери, она поручила уход за нею туземной служанке, или айэ, которой дали понять, что если она желает угодить мем-саиб^[1], то ребенок не должен попадаться ей на глаза.

Мери не помнила, чтобы когда-либо видела близко что-нибудь, кроме смуглого лица своей айэ или других туземных слуг; а так как все они всегда повиновались ей и позволяли ей делать все по-своему, потому что мем-саиб могла рассердиться, если бы ее обеспокоил крик ребенка, то шести лет от роду Мери была величайшей эгоисткой и тиранкой.

Молодая гувернантка-англичанка, которую взяли, чтобы научить Мери читать и писать, так невзлюбила ее, что через три месяца отказалась от места, а когда являлись другие гувернантки, то они уходили через еще более короткое время, чем первая. И если бы Мери самой не захотелось выучиться читать и писать, то она никогда не имела бы возможности научиться даже азбуке.

В одно страшно жаркое утро – ей тогда было уже около девяти лет – она проснулась особенно злая и разозлилась еще больше, когда увидела,

что служанка, стоявшая возле ее постели, была не ее айэ.

– Зачем ты пришла? – сказала она чужой женщине. – Я не позволю тебе остаться тут. Пришли мне мою айэ!

У женщины был испуганный вид, и она пробормотала, что айэ не может прийти, а когда Мери в неистовстве стала бить и толкать ее, она только испугалась еще больше и повторила, что айэ невозможно прийти к мисси саиб.

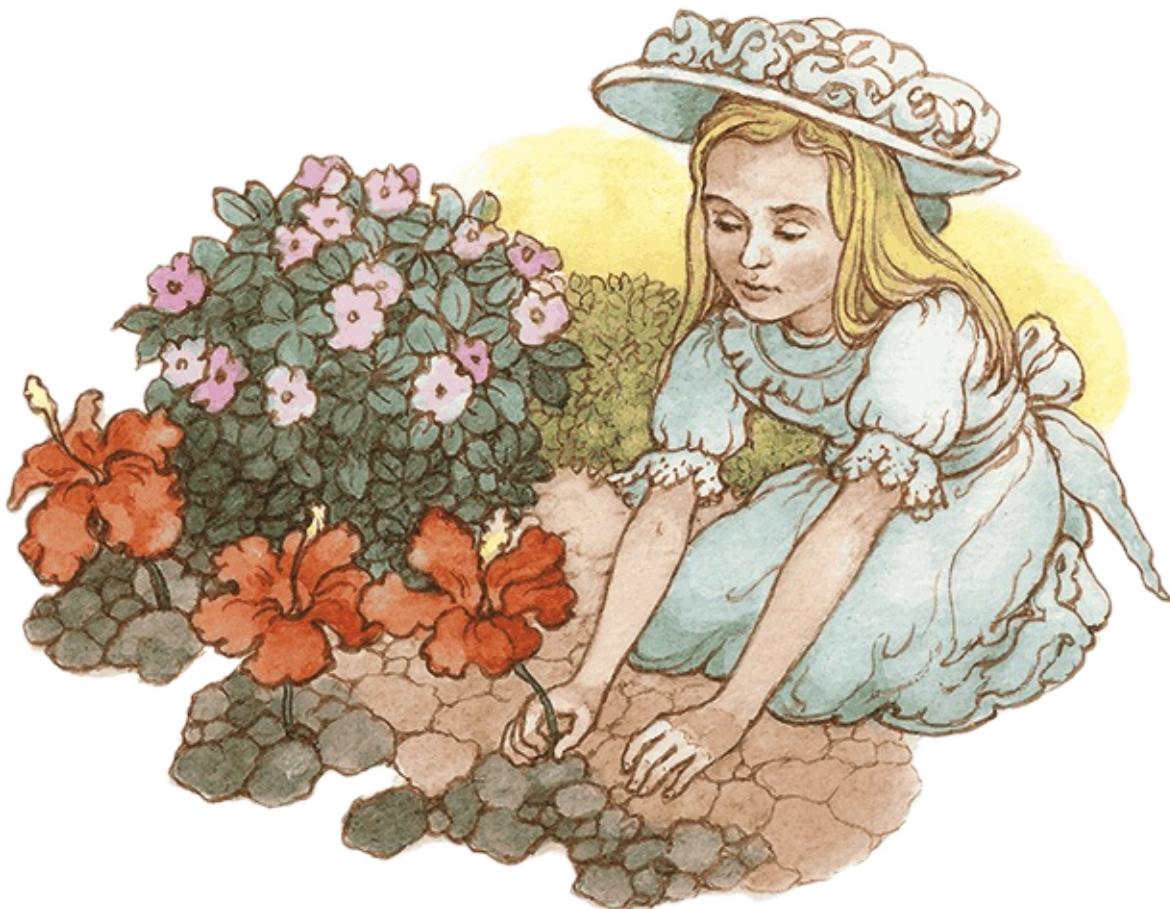
В это утро в самом воздухе точно носилось что-то таинственное. Ничего не делали обычным порядком, и некоторых из туземных слуг вовсе не было видно, а те, которых Мери видела, двигались торопливо или украдкой, с бледно-серыми испуганными лицами. Но ей никто ничего не говорил, и ее айэ все не являлась.

Утро проходило; скоро она осталась совсем одна, наконец вышла в сад и стала играть тоже одна под деревом, около веранды. Она делала вид, что устраивает цветочную клумбу, и втыкала большие ярко-алые цветы в маленькие кучки земли, все больше и больше раздражаясь и бормоча себе под нос все то, что собиралась сказать саиди, все те бранные слова, которыми собиралась обозвать ее, когда она вернется.

– Свинья! Свинья! Свиное отродье! – говорила она, потому что назвать туземца свиньей – это самое худшее оскорбление.

Она скрежетала зубами, повторяя эту фразу, когда услышала, что на веранду вышла ее мать еще с кем-то. Это был белокурый молодой человек, и оба они стояли и говорили какими-то странными тихими голосами.

Мери знала белокурого молодого человека, похожего на мальчика; она слышала, что он был очень молодой офицер, который недавно приехал из Англии.

Девочка глядела на них обоих, но более пристально глядела на свою мать.

Она всегда это делала, когда только представлялся случай видеть ее, потому что мем-саиб – Мери часто звала ее именно так, а не иначе, – была такая высокая, стройная, красивая дама и носила прелестные наряды. У нее были волосы, как волнистый шелк, красивый маленький нос, презрительно вздернутый, и большие смеющиеся глаза. Одежда ее всегда была легкая и развевающаяся и, как выражалась Мери, «полна кружев».

В это утро на ней было больше кружев, чем всегда, но глаза ее не смеялись; они были такие большие и испуганные и умоляюще глядели в лицо молодого белокурого офицера.

– Неужели дело так плохо? Неужели? – услышала Мери ее вопрос.

– Ужасно! – дрожащим голосом ответил молодой человек. – Ужасно, миссис Леннокс! Вы должны были уехать в горы две недели тому назад.

Мем-саиб стала ломать руки.

– О, я знаю, что должна была сделать это! – воскликнула она. – Я осталась только для того, чтобы пойти на этот глупый званый обед! Как я была глупа!

В эту минуту из помещения слуг раздался такой громкий вопль, что она ухватила за руку молодого человека, а Мери задрожала с головы до ног. Вопль становился все более диким.

– Что это? Что это? – прошептала миссис Леннокс.

– Кто-то умер, – ответил молодой офицер. – Вы не говорили, что болезнь появилась среди ваших слуг!

– Я не знала! – воскликнула мем-саиб. – О, пойдите со мной, пойдите со мной!

Она повернулась и убежала в дом.

После этого наступило нечто ужасающее, и Мери стало ясно, почему это утро было такое таинственное.

Появилась холера в самой тяжелой форме, и люди умирали, как мухи. Айэ заболела ночью, и слуги вопили в своих хижинах, потому что она только что умерла. Ночью умерли еще трое слуг, а остальные в ужасе бежали. Всюду царил паника, и во всех бунгало были умирающие.

На следующий день, во время тревоги и смятения, Мери спряталась в детской, и все забыли о ней. Никто не думал о ней, никому она не была нужна, и вокруг происходило нечто странное, о чем она не имела понятия.

Часы проходили, и Мери попеременно то спала, то плакала. Она знала только, что люди хворали, и слышала таинственные и пугавшие ее звуки.

Раз она прокралась в столовую, которая оказалась пустой, хотя на столе стоял недоконченный обед; стулья и тарелки имели такой вид, как будто их поспешно отодвинули в сторону, когда люди по какой-то причине внезапно поднялись из-за стола.

Мери поела фруктов и сухарей и, чувствуя сильную жажду, выпила стоявший на столе стакан вина. Оно было сладкое, но девочка не подозревала, что оно очень крепкое. Ее скоро начало клонить ко сну, и она пошла обратно в детскую и опять заперлась там, испуганная криками, которые неслись из хижин, и звуками торопливых шагов. Вино нагнало на нее такой сон, что глаза ее закрылись помимо ее воли; она легла на постель и точно потеряла сознание.

Очень многое произошло за те долгие часы, что она спала таким тяжелым сном, и ее не разбудили ни вопли, ни шум в бунгало, где что-то вносили и выносили.

Когда она проснулась, то продолжала лежать неподвижно, пристально

глядя на стену. В доме была полнейшая тишина; она не помнила, чтобы когда-либо прежде в нем царило такое безмолвие. Она не слышала ни голосов, ни шагов и думала о том, все ли уже выздоровели от холеры и прошла ли беда.

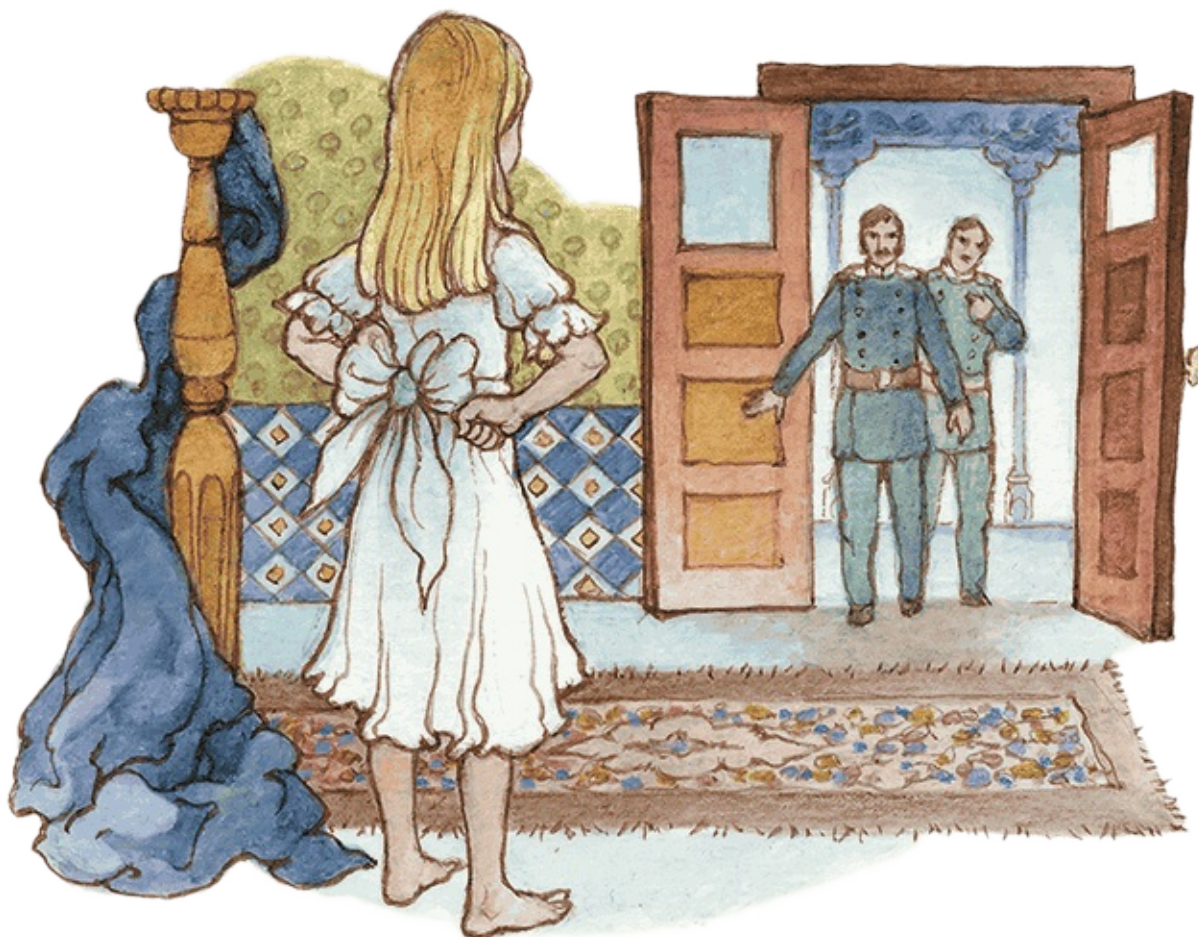
Думала она и о том, кто теперь будет ухаживать за нею, ведь ее айэ умерла! Вероятно, будет новая айэ, и она, быть может, будет рассказывать новые сказки; старые сказки уже достаточно надоели Мери.

Она не плакала о том, что умерла ее нянька. Она не была любящим ребенком и никогда ни к кому не была особенно привязана.

Шум, беготня, вопли по умершим от холеры – все это испугало ее, и, кроме того, она была очень сердита, потому что никто не вспомнил, что она жива. Все так обезумели от ужаса, что никто не подумал о девочке, которую никто не любил.

Когда люди заболели холерой, они, казалось, не могли думать ни о ком, кроме себя самих. Но если все опять выздоровели, то, конечно, кто-нибудь должен был вспомнить о ней и отыскать ее.

Но никто не приходил, и она все лежала и ждала, и в доме, казалось, становилось все тише и тише. Она услышала какой-то шорох на циновке и когда взглянула на пол, то увидела маленькую змейку, скользившую по полу и глядевшую на нее похожими на драгоценные камни глазами.

Мери не испугалась: это было безвредное маленькое существо, которое ничего не могло ей сделать. Змейка, казалось, торопилась выбраться из комнаты, и Мери видела, как она скользнула под дверь.

– Как странно и тихо! – сказала Мери. – Как будто в доме никого нет, кроме меня да змейки.

Почти в ту же минуту она услышала шаги в саду, а потом на веранде. Это были мужские шаги: мужчины вошли в дом и о чем-то тихо заговорили. Никто не вышел им навстречу, никто не заговорил с ними; они, казалось, открывали двери и заглядывали в комнаты.

– Какое опустошение! – сказал один голос. – И эта красивая женщина... да и ребенок, я думаю, тоже! Я слышал, что был ребенок, хотя его никто никогда не видел.

Когда они несколько минут спустя открыли дверь, Мери стояла посреди детской, некрасивая и злая, нахмутив брови, потому что была голодна, и чувствовала себя как-то позорно заброшенной.

Первый человек, вошедший в комнату, был высокий офицер, которого Мери однажды видела у своего отца. У него был усталый и озабоченный

вид, но, когда он увидел ее, он был так поражен, что чуть не отскочил назад.

– Барней! – крикнул он. – Здесь ребенок! Ребенок, один! В таком месте! Боже мой, да кто она такая?

– Я Мери Леннокс, – чопорно сказала девочка, выпрямляясь во весь рост. Человек этот показался ей очень грубым, потому что назвал дом ее отца «таким местом». – Я уснула, когда все были больны холерой, и только что проснулась. Отчего никто не приходит?

– Это тот ребенок, которого никто никогда не видел! – воскликнул офицер, обращаясь к своему спутнику. – О ней на самом деле все забыли!

– Почему обо мне забыли? – спросила Мери, топая ногой. – Почему никто не приходит?

Молодой человек, которого звали Барней, грустно посмотрел на нее. Мери даже показалось, что он мигнул глазами, точно смахивая слезу.

– Бедная крошка! – сказал он. – Некому прийти: никого не осталось.

Таким странным и неожиданным образом Мери узнала, что у нее не осталось ни отца, ни матери, что они умерли и были увезены ночью и что те туземные слуги, которые остались в живых, поспешно покинули дом и никто из них даже не вспомнил, что у них была мисси-саиб. Поэтому-то в доме было так тихо; в нем действительно никого больше не было, кроме самой Мери да маленькой змейки.

Глава II

Мери любила издали глядеть на свою мать и считала ее очень красивой; но так как она очень мало знала ее, то едва ли можно было ожидать, что она будет тосковать по ней, когда ее не станет.

Она ничуть не тосковала по ней и так как всегда была углублена в самое себя, то ее помыслы и теперь, как обыкновенно, были сосредоточены на себе самой. Будь она старше, она бы, вероятно, очень беспокоилась при мысли, что осталась совсем одна на свете, но она еще была очень мала, и так как о ней всегда заботились, то предполагала, что это всегда будет так.

Думала она только о том, попадет ли она к хорошим людям, которые будут с ней обращаться вежливо и во всем уступать ей, как это делала ее айэ и другие туземные служанки.

Мери знала, что не останется навсегда в доме английского священника, куда ее взяли в первое время. Ей не хотелось оставаться там. Английский священник был беден, и у него было пятеро детей, чуть ли не одноплодков, которые ходили в лохмотьях, всегда ссорились и таскали игрушки друг у друга. Мери ненавидела их неопрятный дом и так дурно обращалась с ними, что через два дня никто не хотел играть с нею.

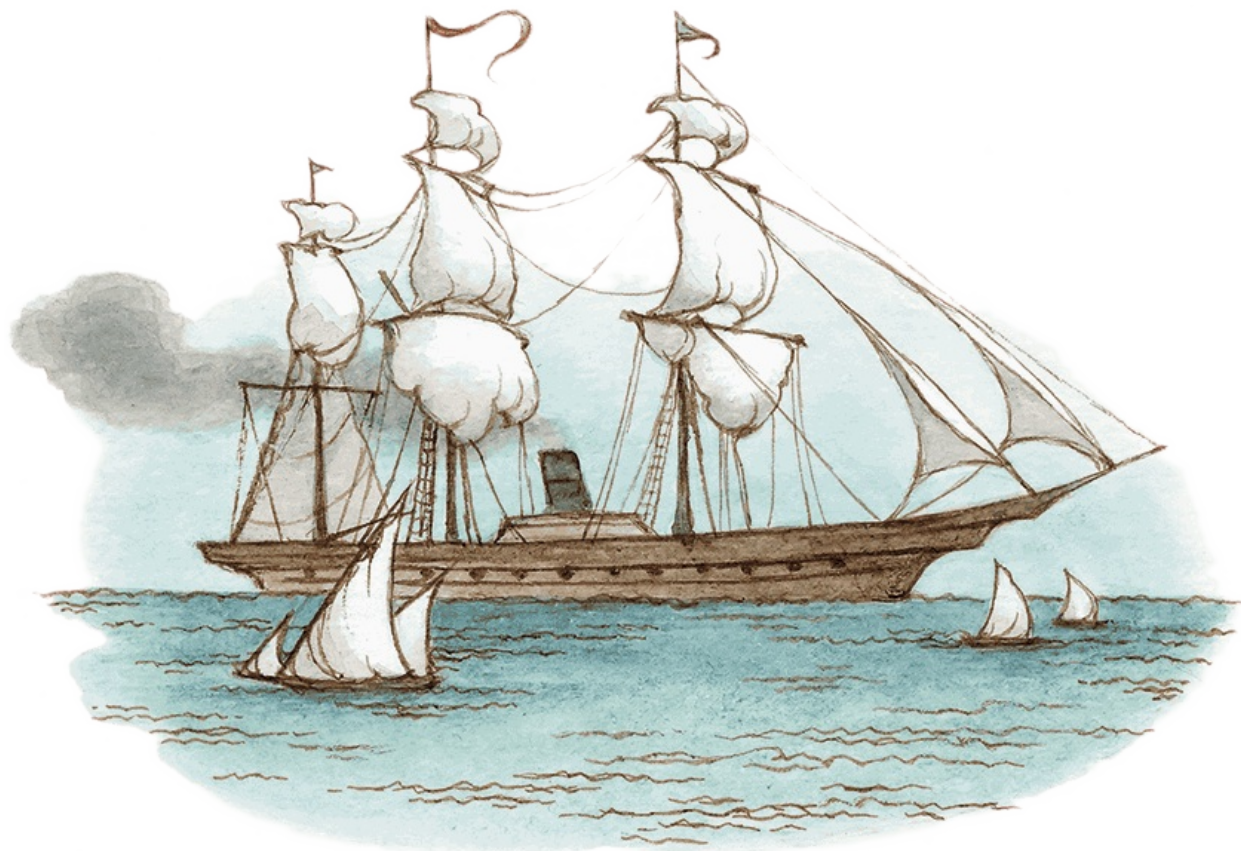
– Тебя отошлют домой через неделю, – сказал ей однажды Базиль, мальчик пастора, с дерзкими голубыми глазами и вздернутым носом, которого Мери ненавидела. – Мы все очень рады этому.

– И я тоже рада, – ответила Мери. – А где это такое «домой»?

– Она не знает, где это? – презрительно сказал семилетний Базиль. – Это, конечно, Англия. Наша бабушка живет там, и в прошлом году туда послали сестру Мабель. А ты поедешь не к бабушке; у тебя ее нет. Ты поедешь к своему дяде; его зовут мистер Арчибальд Крэвен.

– Я никогда про него не слыхала, – огрызнулась Мери.

– Я знаю, что не слыхала, – ответил Базиль, – ты ничего не знаешь. Девочки обыкновенно ничего не знают. Я слышал, как папа и мама говорили про него. Он живет в громадном заброшенном старом доме в деревне, и никто к нему не ходит. Он такой сердитый, что никого к себе не пускает, а если бы и пустил, то никто бы не пришел. Он горбун и страшный-страшный.

– Я тебе не верю, – сказала Мери, отвернувшись от него и затыкая уши пальцами, потому что не хотела больше слушать.

Но она все-таки очень много думала об этом; а когда миссис Кроуфорд в тот же вечер сказала ей, что через несколько дней она поедет в Англию к своему дяде, мистеру Крэвену, который жил в Миссельтуэйт-Мэноре, у нее был такой упрямо-равнодушный, точно окаменелый вид, поэтому они не знали, что о ней и подумать. Они пытались приласкать ее, но она отвернулась, когда миссис Кроуфорд хотела поцеловать ее, и чопорно выпрямилась, когда мистер Кроуфорд потрепал ее по плечу.

– Она такой некрасивый ребенок, – сказала после этого миссис Кроуфорд тоном сожаления. – А мать ее была так красива! И манеры у нее

были такие милые, а Мери самый неприятный ребенок, которого я когда-либо видела.

– Быть может, если бы ее мать почаще появлялась в детской, со своим красивым лицом и милыми манерами, Мери тоже могла бы перенять эти манеры. Грустно теперь вспоминать, когда бедная красавица уже умерла, очень многие вовсе не знали, что у нее был ребенок!

– Она, кажется, никогда не взглянула на нее, – вздохнула миссис Кроуфорд. – Когда ее айэ умерла, никто и не вспомнил о крошке. Подумай только: все слуги разбежались и оставили ее одну в пустом доме. Полковник Мак-Грю говорил мне, что был поражен, когда отворил дверь и увидел ее совершенно одну посреди комнаты.

Во время долгого переезда в Англию Мери находилась под присмотром жены одного офицера, которая везла туда своих детей, чтобы поместить их в пансион. Она была очень занята собственными детьми и очень радовалась, когда сдала Мери женщине, которую мистер Крэвен выслал в Лондон встретить ее.

Женщина эта служила экономкой в Миссельтуэйт-Мэноре, и звали ее миссис Медлок. Она была очень полная, с румяными щеками и зоркими черными глазами.

Она очень не понравилась Мери; но так как Мери редко кто-либо нравился, то в этом не было ничего удивительного; кроме того, было очевидно, что миссис Медлок тоже невысокого мнения о девочке.

– Экая она некрасивая! – сказала она. – А мы ведь слышали, что ее мать была красавица. Она, как видно, красоты-то ей в наследство не оставила, не так ли?

– Она, быть может, переменится, когда подрастет, – добродушно сказала жена офицера. – Если бы она не была такая желтая и выражение лица ее было бы поласковей. А черты лица у нее хорошие. Дети ведь так меняются!

– Ей придется измениться во многом, – ответила миссис Медлок. – А в Миссельтуэйте нет ничего такого, что могло бы изменить ребенка к лучшему, если вы спросите меня!

Обе они думали, что Мери не слушает, потому что она стояла несколько поодаль, у окна отеля, где они остановились. Она смотрела на прохожих, на проезжавшие omnibusy и кэбы, но слышала весь разговор; в ней проснулось любопытство по отношению к дяде и его жилищу. Что это был за дом и на что он был похож? Что такое горбун? Она никогда не видала горбуна; быть может, их в Индии вовсе не было.

С тех пор как она стала жить в чужих домах и у нее не было айэ,

она стала чувствовать себя одинокой, и в голову ей приходили странные, совершенно новые для нее мысли.

Она думала о том, почему это она всегда была «ничья», даже когда ее отец и мать были живы. Другие дети «принадлежали» своим отцам и матерям, она же, казалось, была всем чужая. У нее были слуги, была пища и одежда, но никому не было до нее дела. Она не знала, что причиной этого было то, что она – очень неприятный ребенок; само собой разумеется, что она не знала, какая она неприятная. Она часто находила, что другие люди очень неприятны, но не подозревала, что она сама такова.

Она считала миссис Медлок самой неприятной особой, которую когда-либо видела, с ее грубым румяным лицом и безвкусной вычурной шляпой. На следующий день, когда они уезжали в Йоркшир, Мери шла по платформе к вагону с высоко поднятой головой, стараясь держаться как можно дальше от нее, как будто совсем не «принадлежала» ей. Она бы очень рассердилась, если бы узнала, что люди принимают ее за дочь миссис Медлок.

Но миссис Медлок очень мало обращала внимания и на самое Мери, и на то, что она думала. Ей вовсе не хотелось ехать в Лондон, как раз когда была свадьба ее племянницы, но у нее было удобное, выгодное место экономки в Миссельтуэйт-Мэноре, и удержать это место за собой она могла только делая то, что мистер Крэвен приказывал. Она не смела даже задавать вопросов.

– Капитан Леннокс и его жена умерли от холеры, – сказал ей мистер Крэвен своим холодным лаконическим тоном. – Капитан Леннокс был братом моей жены, и я опекун его дочери. Девочку привезут сюда. Вы должны поехать в Лондон и сами привезти ее.

И она уложила свой небольшой чемодан и отправилась в путь.

Мери сидела в углу вагона, некрасивая, с капризным выражением лица. Ей нечего было читать, не на что было смотреть, и она сидела, сложив на коленях свои маленькие руки в черных перчатках. Благодаря черному платью она казалась еще желтее, чем всегда, и ее редкие светлые волосы торчали из-под черной креповой шляпки.

«Никогда в жизни не видывала ребенка с таким капризным видом», – подумала миссис Медлок. Она никогда не видела ребенка, который сидел бы так неподвижно, ничего не делая. Наконец ей надоело смотреть на Мери, и она заговорила быстро и резко.

– По-моему, надо тебе рассказать кое-что о том, куда ты едешь, – сказала она. – Знаешь ты что-нибудь о своем дяде?

– Нет, – сказала Мери.

– Ты никогда не слышала, что твои родители говорили о нем?

– Нет, – сказала Мери, нахмурившись. Она нахмурилась потому, что вспомнила, что ее отец и мать никогда не говорили с ней о чем-нибудь определенном и никогда ни о чем ей не рассказывали.

– Гм... гм... – проворчала миссис Медлок, пристально глядя на странное бесстрастное личико. Она несколько секунд молчала, но потом снова заговорила:

– Надо тебе все-таки кое-что рассказать, чтобы тебя подготовить. Ты едешь в очень странное место.

Мери ничего не сказала, и ее явное равнодушие несколько озадачило миссис Медлок, но, передохнув, она стала продолжать:

– Нечего сказать, поместье громадное, но мрачное, и мистер Крэвен очень гордится им... по-своему. Дом был выстроен шестьсот лет тому назад, на краю степи, и в нем почти сто комнат, хотя большинство из них заперты. А в них и картины, и красивая старинная мебель, и всякие другие вещи... и все это стоит там целые века; вокруг дома громадный парк, и сады, и деревья, ветви которых достают до земли. – Она остановилась и опять вздохнула. – А больше ничего, – неожиданно закончила она.

Мери невольно начала прислушиваться. Все это было так не похоже на Индию, а все новое всегда привлекало ее. Но она не намеревалась показывать, что ее это интересует. Это была одна из ее несчастных, неприятных привычек.

Она сидела молча.

– Ну, что ты думаешь обо всем этом? – спросила миссис Медлок.

– Ничего, – ответила она. – Я ничего не знаю про такие места.

Это заставило миссис Медлок рассмеяться коротким смешком.

– Да ты похожа на старуху, – сказала она. – Разве тебя это не беспокоит?

– Это все равно, беспокоит или нет, – ответила Мери.

– Ну ты, пожалуй, права, – сказала миссис Медлок, – это все равно. Почему именно тебя надо держать в Миссельтуэйт-Мэноре, я не знаю, разве только потому, что это удобнее всего. Он не будет тобой очень заниматься, это-то верно, он никогда и никем не занимается.

Она вдруг остановилась, как будто вовремя вспомнив о чем-то.

– У него спина кривая, – сказала она. – Это его испортило. Он был угрюмый человек и не пользовался ни своими деньгами, ни своим поместьем, пока не женился.

Взгляд Мери остановился на ней, несмотря на все ее намерения не выказывать интереса. Она никогда не думала, что горбун может жениться, и была несколько удивлена. Миссис Медлок заметила это, и так как она была очень болтлива, то продолжала с большим оживлением. Во всяком случае, это был способ убить время.

– Она была такая милая, красивая, и он готов был обойти всю землю, чтобы достать ей даже былинку, которую ей хотелось... Когда она умерла...

Мери невольно вздрогнула.

– О, так она умерла! – воскликнула она почти против воли. Она только что вспомнила, что когда-то читала французскую сказку, в которой говорилось о бедном горбуне и прекрасной принцессе, и ей вдруг стало жаль мистера Крэвена.

– Да, она умерла, – ответила миссис Медлок, – и с тех пор он стал еще более странным. Он никем не интересуется. Он не хочет видеть людей. Он по большей части в разъездах, а когда он в Миссельтуэйте, то запирается в западном флигеле и не пускает к себе никого, кроме Пичера. Пичер уже старик, но он ходил за ним, когда он был еще ребенком, и знает все его привычки.

Все это очень похоже было на рассказ из книжки и не особенно ободрило Мери. Дом с сотнею комнат, двери которых заперты, дом на краю степи – что бы это ни значило, во всем этом было что-то мрачное. И человек с кривой спиной, который тоже запирается!

Мери глядела в окно, крепко сжав губы. Ей казалось в порядке вещей, что вдруг хлынули косые серые потоки дождя, ударяя в оконные стекла и стекая по ним... Если бы красивая жена мистера Крэвена была жива, она могла бы оживить мрачный дом, как ее мать: она бегала бы туда и сюда, ездила бы в гости, как она, в платьях с кружевами. Но ее уже больше не было.

– Ты не думай, что увидишь мистера Крэвена, – сказала миссис Медлок, – десять шансов против одного, что не увидишь. И не думай, что кто-нибудь в доме станет с тобой вести разговоры. Ты должна будешь играть и сама себя занимать. Тебе скажут, в какие комнаты тебе можно ходить и в какие нельзя... Садов здесь довольно, но когда ты будешь в доме, не шатайся и не заглядывай повсюду. Мистер Крэвен этого не любит.

– Я и не захочу идти заглядывать повсюду, – кисло сказала Мери, и так же внезапно, как в ней появилась жалость к мистеру Крэвену, жалость эта исчезла; она подумала, что такой неприятный человек заслуживает всего того, что с ним случилось.

Она обернулась лицом к мокрым окнам и стала смотреть на серые потоки дождя, который, казалось, никогда не мог перестать; смотрела она так долго и пристально, что серый цвет стал сгущаться пред ее глазами; и она скоро уснула.

Глава III

Она спала долго и когда проснулась, миссис Медлок купила на одной станции корзинку с закуской, и они поели холодного мяса, хлеба с маслом и напились горячего чаю. Дождь стал еще сильнее, и на станции все ходили в мокрых блестящих непромокаемых плащах. Кондуктор зажег в вагоне лампы, и миссис Медлок очень оживилась благодаря чаю и закуске. Ела она очень много и потом сама тоже уснула; а Мери сидела, смотрела, как шляпа миссис Медлок сдвигалась набок, пока опять не уснула в углу вагона, убаюканная стуком дождя в окно.

Когда она проснулась, было уже довольно темно. Поезд стоял у станции, и миссис Медлок встряхивала ее.

– И уснула же ты! – сказала она. – Пора открыть глаза. Это станция Туэйт, и нам еще долго придется ехать на лошадях.

Мери встала, стараясь держать глаза открытыми, пока миссис Медлок собирала свои свертки. Девочка не вызвалась помочь ей, потому что в Индии туземные слуги всегда подымали и носили все, и считалось вполне естественным, чтобы одни люди прислуживали другим.

Станция была маленькая, и, кроме них, на ней никто не вышел из вагона. Возле платформы стоял экипаж, и Мери сразу увидела, что экипаж был щеголеватый; такой же щеголеватый лакей посадил ее. Когда он захлопнул дверцу, вскочил на козлы рядом с кучером и они тронулись, Мери очутилась в уютном углу экипажа с мягкой обивкой, но спать ей уж больше не хотелось.

Она сидела и с любопытством смотрела в окно: ей очень хотелось увидеть что-нибудь на дороге, по которой ее везли в это странное место,

о каком ей говорила миссис Медлок. Она не была робкой от природы и теперь не особенно пугалась... но мало ли что может случиться в доме с сотней комнат, которые почти все заперты, в доме, стоящем на краю степи?

– Что такое степь? – внезапно спросила она миссис Медлок.

– А ты выгляни в окно минут через десять и тогда увидишь, – ответила та. – Нам еще придется проехать пять миль, прежде чем мы доберемся до дома. Много теперь не увидишь, потому что ночь темная, но что-нибудь все-таки можно разглядеть.

Мери не задавала больше никаких вопросов, а сидела и ждала в своем темном углу, устремив глаза на окно. Фонари кареты бросали лучи света на небольшое расстояние вперед... и перед Мери мелькали виды дороги. Когда они выехали со станции, то проехали крохотную деревеньку, и Мери видела выбеленные коттеджи и фонари таверны.

Потом они проехали мимо церкви и дома священника, проехали мимо освещенного окна лавки, где были выставлены для продажи игрушки, сласти и еще кое-какие товары, и наконец выехали на проезжую дорогу, где Мери видела только деревья и изгороди. После этого очень долгое время ничего другого не было видно.

Наконец лошади пошли медленнее, точно подымаясь в гору, и скоро исчезли даже деревья и изгороди. Мери ничего не могла видеть, так как вокруг была непроницаемая тьма. Она наклонилась вперед и прижалась лицом к окну, как вдруг карету сильно трянуло.

– Вот теперь мы в степи, – сказала миссис Медлок. Фонари кареты бросали желтый свет на неровную дорогу, которая, казалось, пролегла между кустов и низких растений, уходивших куда-то в необъятное темное пространство, окружавшее их со всех сторон. Подымался ветер, в диком вое которого слышались странные низкие шелестящие звуки.

– Это... это ведь не море? – сказала Мери, обернувшись и глядя на свою спутницу.

– Нет, не море, – ответила миссис Медлок, – и это не поля и не горы, а просто целые мили дикой земли, на которой ничего не растет, кроме вереска, дрока и терновника, и где водятся только дикие пони да овцы.

– А мне кажется, что это было бы похоже на море, если б здесь была вода, – сказала Мери. – Вот теперь это шумит, точно море.

– Это ветер воет в кустах, – сказала миссис Медлок. – По-моему, это дикое, пустынное место, хотя оно многим нравится, особенно когда цветет вереск.

Они все ехали вперед в глубокой тьме; дождь перестал, но ветер продолжал завывать так же странно, как прежде. Дорога шла то в гору, то под гору, и несколько раз карета проезжала по небольшим мостикам, под которыми быстро и шумно текла вода.

Мери казалось, что этому путешествию не будет конца; широкая угрюмая степь представлялась ей широким простором темного океана, через который она проезжала по узкой полоске земли.

– Мне это не нравится, – сказала она самой себе. – Мне это не нравится. – И она еще крепче стиснула свои тонкие губы.

Лошади подымались в гору, когда Мери впервые заметила свет вдали. Заметила его и миссис Медлок и протяжно, с облегчением вздохнула.

– Я так рада видеть, что там мерцает огонек! – воскликнула она. – Это свет в окне сторожки. Мы во всяком случае получим по чашке чаю, только подожди чуточку.

Пришлось действительно подождать «чуточку», как она выразилась, потому что когда карета уже въехала за ограду парка, им оставалось еще проехать около двух миль по аллее; ветви деревьев почти сходились над головой, и приходилось ехать точно под длинным темным сводом.

Из-под этого свода они выехали на лужайку и остановились пред очень длинным, но низким домом, построенным вокруг вымощенного камнем двора. Мери сначала показалось, что в окнах вовсе не было света; но, выйдя из кареты, она увидела, что в одной комнате в углу верхнего этажа виднелся тусклый свет.

Входная дверь была громадная, сделанная из массивных дубовых досок странной формы, с большими железными гвоздями и скрепленная широкими полосами железа. Она вела в громадную переднюю, которая была очень тускло освещена, и лица портретов на стенах и фигуры в старинных доспехах произвели на Мери такое впечатление, что ей не хотелось смотреть на них.

Когда она стояла в этой комнате с каменным полом, то казалась такой маленькой странной черной фигуркой и чувствовала себя тоже какой-то маленькой странной и заброшенной.

Около слуги, отворившего им дверь, стоял еще какой-то чопорный старик.

– Вы должны отвести девочку в ее комнату, – сказал он хриплым голосом. – Он не хочет ее видеть. Он утром уезжает в Лондон.

– Очень хорошо, мистер Пичер, – ответила миссис Медлок, – если я только знаю, что от меня требуется, то я уж сумею все устроить.

– От вас вот что требуется, миссис Медлок, – сказал мистер Пичер, – чтобы вы постарались не беспокоить его и чтобы он не видел того, чего не желает видеть.

После этого Мери Леннокс повели вверх по широкой лестнице, потом по длинному коридору, опять вверх по небольшой лестнице, еще по одному коридору и еще по одному; потом в стене отворилась дверь, и Мери очутилась в комнате, где топился камин и на столе был приготовлен ужин.

– Ну, теперь конец, – бесцеремонно сказала миссис Медлок, – эта и соседняя комната отведены тебе; тут ты и должна сидеть. Не забывай этого!

Таким образом Мери попала в Миссельтуэйт-Мэнор.

Глава IV

Утром Мери открыла глаза только потому, что в комнату вошла молоденькая служанка, чтобы затопить камин. Она стояла на коленях возле камина, с шумом выгребая из него золу, и Мери лежала и смотрела на нее несколько секунд, потом стала осматривать комнату. Она никогда не видела такой комнаты, которая показалась ей очень странной и мрачной. Стены были покрыты ткаными обоями, на которых был изображен лесной вид. Там были фантастически разодетые люди под деревьями, а в отдалении виднелись башни замка. Там были охотники, дамы, собаки, лошади, и Мери казалось, что она сама тоже в лесу вместе с ними. Из глубокого окна она могла видеть обширное отлогое пространство земли, на котором вовсе не было деревьев и которое очень походило на безграничное тускло-пурпурное море.

– Что это такое? – спросила она, показывая пальцем в окно.

Молоденькая служанка, Марта, которая только что поднялась на ноги, посмотрела в окно и тоже указала пальцем.

– Вон там? – спросила она.

– Да.

– Это степь, – сказала она с широкой, добродушной улыбкой. – Она тебе не нравится?

– Нет, – ответила Мери, – я ее ненавижу.

– Это потому, что ты к ней не привыкла, – сказала Марта, идя назад к камину. – Ты думаешь, что она слишком большая и голая? Но она тебе понравится.

– А тебе нравится? – спросила Мери.

– Конечно, – весело ответила Марта, вытирая каминную решетку. – Я люблю степь. Она вовсе не голая. Весной там чудесно, когда цветут

вереск и дрок; тогда там пахнет медом и столько простору и воздуху, небо кажется таким высоким-высоким! А пчелы и жаворонки поют и жужжат, и шум такой приятный. О, я бы ни за что не покинула степь!

Мери слушала ее с серьезным, озадаченным выражением лица. Туземные слуги, к которым она привыкла в Индии, были вовсе не такие, как Марта. Они всегда были раболепны и подобострастны и не смели говорить со своими господами так, как равные им. Они делали «салаам», называли их «покровителями бедных» и тому подобными именами. Индийского слугу не просили сделать то или другое, ему приказывали. Там не было обычая говорить слуге «пожалуйста» и «благодарю», и Мери всегда давала пощечины своей айэ, когда была сердита. Она невольно подумала о том, что сделала бы Марта, если бы она вздумала дать ей пощечину.

Марта была полная, румяная, добродушная на вид девушка, но в ее манерах было что-то решительное и смелое, и Мери подумала, что она, пожалуй, ответила бы тоже пощечиной, особенно если ее ударила бы маленькая девочка.

– Ты странная служанка, – довольно высокомерно проговорила Мери с подушек.

Марта присела на корточки, держа в руках щетку, и рассмеялась без всякого признака гнева.

– О, я это знаю, – сказала она. – Если бы здесь, в Миссельтуэйте, была настоящая госпожа, я бы никогда не могла быть даже второй горничной. Меня бы, пожалуй, взяли в судомойки, но никогда не пустили бы в верхние комнаты. Я слишком простая и говорю по-йоркширски. Но этот дом какой-то странный, в нем точно ни господина, ни госпожи нет, кроме мистера Пичера и миссис Медлок. Мистер Крэвен не любит, чтобы его чем-нибудь беспокоили, когда он здесь, и он почти постоянно в отъезде. Миссис Медлок по доброте своей дала мне это место. Она сказала мне, что никогда не сделала бы этого, если бы Миссельтуэйт был как другие богатые дома.

– А теперь ты будешь моя служанка? – спросила Мери все тем же высокомерным тоном, к которому она привыкла в Индии.

Марта опять начала чистить решетку.

– Я служанка миссис Медлок, – гордо сказала она, – а она служанка мистера Крэвена, но я буду убирать тут комнаты и немного прислуживать тебе. Только тебе много услуг не понадобится.

– А кто будет меня одевать? – спросила Мери.

Марта опять присела на корточки и уставилась на нее; от изумления она опять заговорила с протяжным йоркширским акцентом.

– Разве ты не можешь сама одеться? – спросила она.

– Что это значит? Я не понимаю твоего языка, – сказала Мери.

– О, я забыла, – сказала Марта. – Миссис Медлок велела мне следить за собой, а то ты не поймешь, что я говорю. Так ты не можешь сама надеть платья?

– Нет, – почти с негодованием ответила Мери. – Я никогда в жизни этого не делала. Меня всегда одевала моя айэ.

– Если так, то тебе пора научиться, – сказала Марта, очевидно, не подозревая, что говорит дерзости. – Это не слишком рано. Тебе будет очень полезно самой ухаживать за собой. Моя мать всегда говорит, что не понимает, почему это у важных бар дети не вырастают набитыми дураками: ведь у них всегда няньки и их всегда другие моют и одевают, и гулять выводят, точно щенят.

– В Индии все иначе, – презрительно сказала Мери. Она едва владела собой.

Но Марта ничуть не смутилась.

– Оно и видно, что иначе, – сказала она сочувственно. – Я думаю, это потому, что там такое множество чернокожих вместо порядочных белых людей. Когда я услышала, что ты едешь сюда из Индии, я подумала, что ты тоже чернокожая!

Мери села на постели, страшно разъяренная.

– Что! – воскликнула она. – Что! Ты думала, что я туземка! Ты... свиное отродье ты!

Марта уставилась на нее и вдруг вспыхнула.

– Кого ты бранишь? – сказала она. – Тебе не надо так сердиться. Барышне не следует так говорить. Я ровно ничего не имею против чернокожих. Когда про них читаешь в книжках, то они все такие религиозные; в книжках ведь сказано, что чернокожие тоже люди и наши братья... А я никогда не видала чернокожего человека и очень обрадовалась, потому что подумала, что увижу близко хоть одного. Когда я пришла сюда утром, чтоб затопить камин, я подкралась к твоей постели и осторожно приподняла одеяло, чтобы поглядеть на тебя. И тут-то я увидела, – добавила она разочарованно, – что ты ничуть не чернее меня, несмотря на то, что такая желтая!

Мери даже не старалась сдерживать своего гнева.

– Ты думала, что я туземка! Как ты смела! Ты их совсем не знаешь! Они не люди, они слуги, которые должны кланяться! Ты ничего не знаешь про Индию! Ты совсем ничего не знаешь!

Она была так взбешена и чувствовала себя такой беспомощной пред

наивным взглядом Марты и в то же самое время вдруг почувствовала себя такой одинокой, такой далекой от всего того, что она понимала и что понимало ее, что бросилась лицом в подушки и разразилась рыданиями. Она так безудержно рыдала, что добродушная Марта даже испугалась и ей стало жаль девочки. Она подошла к постели и наклонилась к Мери.

– Не надо так плакать! – стала она упрашивать. – Право, не надо. Я не знала, что ты так рассердишься! Я таки вовсе ничего не знаю, как ты сказала. Прошу прощения, мисс. Перестань же плакать!

В ее странной йоркширской речи и спокойных манерах было что-то успокаивающее, дружелюбное, что хорошо действовало на Мери. Она постепенно перестала плакать и затихла. Марта, видимо, почувствовала облегчение.

– А теперь пора тебе вставать, – сказала она. – Миссис Медлок сказала, чтобы я приносила в соседнюю комнату твой завтрак, обед и ужин. Там тебе устроили детскую. Я тебе помогу одеться, если ты встанешь. Если пуговицы у тебя на платье сзади, то ты их не можешь сама застегнуть.

Процесс одеванья научил их обеих кое-чему. Марта часто застегивала своих сестренок и братишек, но никогда еще не видела ребенка, который стоял бы неподвижно и ждал, пока кто-нибудь другой сделает для него все что надо, как будто у него самого не было ни рук, ни ног.

– Почему ты сама не надеваешь башмаков? – спросила она, когда Мери преспокойно подставила ей ногу.

– Моя айэ делала это, – ответила Мери, уставившись на нее. – Такой там обычай.

Она очень часто говорила: «такой был обычай». Туземные слуги всегда говорили это. Если им приказывали сделать что-нибудь, чего целые века не делали их предки, они с кротким взглядом отвечали: «Обычай не таков», – и всякий знал, что этим дело кончалось.

«Обычай был таков», что Мери ничего не делала сама, а только стояла и позволяла одеть себя, точно кукла.

Раньше чем она готова была идти завтракать, она уже начала подозревать, что жизнь в Миссельтуэйте научит ее многому, совершенно

неизвестному ей: например, надевать чулки и башмаки, подымать все, что она роняла.

Если бы Марта была хорошо обученной, «настоящей» горничной, она была бы более почтительной и услужливой и знала бы, что ей полагается расчесывать волосы, застегивать башмаки, поднимать вещи и класть их на место. Но она была простая деревенская девушка, которая выросла в коттедже в степи с целой толпой братьев и сестер, которым и в голову не приходило, что можно чего-нибудь не делать самим и не ухаживать за младшими детьми, которые еще только учились ходить.

Если бы Мери Леннокс была таким ребенком, которого легко развеселить, болтливость Марты, вероятно, рассмешила бы ее; но Мери невозмутимо слушала ее, удивляясь развязности ее манер. Сначала разговор ничуть не интересовал ее, но Марта продолжала добродушно болтать, и Мери стала прислушиваться к ее речи.

– Если бы ты их всех видела! – говорила Марта. – Нас всех двенадцать человек, а отец мой получает всего шестнадцать шиллингов в неделю. Трудно матери накормить их всех, скажу я тебе. Все дети целый день играют в степи, и мать говорит, что они толстеют от степного воздуха. Она говорит, что они, должно быть, едят траву, как дикие пони. Наш Дикон, ему уже двенадцать лет, приручил молодую лошадку-пони и говорит, что она теперь его.

– А где он взял ее? – спросила Мери.

– Нашел в степи вместе с матерью, когда она была еще совсем маленькая. Он стал приручать ее, кормить хлебом, щипать для нее траву. И она так привыкла к нему, что ходит следом за ним и позволяет ему сесть ей на спину. Дикон очень добрый, и животные любят его.

У Мери никогда не было никакого животного, с которым она могла бы играть, и ей всегда очень хотелось иметь его. Она почувствовала даже некоторый интерес к Дикону; а так как она никогда никем не интересовалась, кроме самой себя, это, очевидно, было пробуждением доброго чувства.

Когда она вошла в комнату, в которой устроили для нее детскую, то увидела, что комната похожа на ту, в которой она спала. Это была комната не для ребенка, а для взрослого человека, с мрачными старыми картинами на стенах и с тяжелыми старыми дубовыми стульями. На столе посреди комнаты стоял хороший обильный завтрак. Но у Мери всегда был очень плохой аппетит, и она равнодушно взглянула на первое блюдо, которое Марта поставила пред ней.

– Я не хочу этого, – сказала она.

– Не хочешь каши?! – недоверчиво воскликнула Марта.

– Нет.

– Ты не знаешь, какая она вкусная! Положи немножко патоки или сахару!

– Я не хочу, – повторила Мери.

– Вот этого я уж не могу переносить, – воскликнула Марта, – чтобы понапрасну портили хорошую провизию! Если б за этим столом сидели наши дети, они бы его в пять минут очистили!

– Почему? – холодно спросила Мери.

– Почему? – повторила, как эхо, Марта. – Потому, что у них почти никогда в жизни не было полных желудков. Они всегда так голодны, как детеныши ястреба или лисы.

– Я не знаю, что значит быть голодной, – сказала Мери с равнодушием невежды.

Марта с негодованием поглядела на нее.

– Ну, тебе очень полезно было бы испытать такое, я это ясно вижу, – откровенно сказала она. – Я терпеть не могу людей, которые только сидят да смотрят на вкусную еду. Как бы мне хотелось, чтобы все, что тут на столе, было в желудках у Дикона, и Филя, и Джейн, и у всех остальных!

– Отчего же ты не отнесешь им всего этого? – посоветовала Мери.

– Это не мое! – гордо ответила Марта. – И сегодня не мой выходной день. Мне дают отпуск только раз в месяц, как и всем остальным, и тогда я ухожу домой и помогаю матери убирать, а она отдыхает.

Мери выпила немного чаю и съела кусочек поджаренного хлеба с вареньем.

– А теперь оденься потеплей и поди наружу поиграть, – сказала Марта. – Тебе это будет очень полезно и даст аппетит.

Мери подошла к окну. Она видела сады, дорожки и большие деревья, но все это имело какой-то тусклый зимний вид.

– Зачем мне идти наружу в такой день?

– Если не пойдешь, то придется остаться в доме, а что ты здесь будешь делать?

Мери осмотрелась вокруг; делать было нечего. Когда миссис Медлок устраивала детскую, она не подумала о развлечениях. Пожалуй, лучше было бы выйти и посмотреть сады.

– Кто пойдет со мной? – спросила она.

Марта уставилась на нее.

– Ты пойдешь одна, – ответила она. – Тебе придется научиться играть одной, как играют другие дети, у которых нет сестер и братьев. Наш Дикон

уходит в степь один и по целым часам играет там. Оттого-то он и приручил пони. В степи есть овцы, которые его знают, а птицы прилетают к нему и едят у него из рук. У нас хотя мало еды, но он всегда прячет кусочек хлеба для своих любимцев.

Напоминание о Диконе заставило Мери принять решение и выйти, хотя она и не сознавала этого. Если в садах не было пони и овец, то, вероятно, были птицы, которые не похожи на птиц в Индии, и на них, быть может, стоило поглядеть.

Марта принесла ей пальто, шляпу и пару толстых ботинок и показала дорогу вниз.

– Если ты обойдешь вон там кругом, то придешь к саду, – сказала она, указывая на небольшую калитку в огороде. – Летом там уйма цветов, но теперь ничего не цветет. – Она, казалось, с минуту колебалась и потом добавила: – Один из садов заперт. Там уже десять лет никто не бывал.

– Почему? – невольно спросила Мери. Кроме сотни запертых дверей в доме оказывалась еще одна запертая калитка!

– Мистер Крэвен велел запереть его, когда его жена умерла так внезапно. Он никому не позволяет входить туда; это был ее сад. Он запер калитку, вырыл яму и закопал туда ключ... Миссис Медлок звонит – мне надо бежать.

Глава V

Когда Марта ушла, Мери свернула на дорожку, которая вела к калитке в огороде. Она невольно думала о том саде, в котором никто не бывал уже десять лет; думала о том, какой вид имеет этот сад и есть ли еще в нем какие-нибудь живые цветы.

Когда она прошла через калитку, то очутилась в большом саду с широкими лужайками и извилистыми дорожками с подчищенными краями. Там были деревья, клумбы, хвойные деревья, подстриженные в разных причудливых формах, и большой пруд со старым серым фонтаном посередине. Но клумбы были обнажены, а фонтан не бил. Это не был запертый сад. Как можно запереть сад? Ведь в сад всегда можно войти...

Она думала как раз об этом, когда увидела, что в конце дорожки, по которой она шла, находится длинная стена, вся покрытая плющом. Мери была недостаточно знакома с Англией, чтоб догадаться, что она приближалась к фруктовому саду и огороду.

Она подошла к стене и увидела зеленую калитку, которая была открыта. Это, очевидно, не был запертый сад, и сюда можно было войти.

Пройдя в калитку, она увидела, что это был сад, обнесенный вокруг стеною, и что таких садов было несколько; все они, очевидно, сообщались между собой. Потом она увидела еще одну открытую зеленую калитку, сквозь которую виднелись кусты и дорожки между грядками зимних овощей. Фруктовые деревья росли возле самой стены, а некоторые из грядок были прикрыты стеклянными рамами. Мери постояла, посмотрела вокруг и решила, что все это очень некрасиво и голо. Летом, когда все было зелено, сад, быть может, выглядел красивее, но теперь в нем ничего красивого не было.

Через несколько минут из калитки, ведущей в другой сад, вышел старик

с заступом на плече. Когда он увидел Мери, на лице его выразилось изумление, и он слегка приподнял шляпу. Лицо у него было угрюмое, и ему, видно, не особенно приятно было встретить Мери; но ей не нравился его сад, выражение лица у нее тоже было неприветливое, и встрече со стариком она тоже не особенно обрадовалась.

– Что здесь такое? – спросила Мери.

– Один из огородов, – ответил он.

– А там что? – сказала она, указывая на растворенную зеленую калитку.

– Еще один, – коротко ответил он. – А по ту сторону стены еще один, а за ним еще огород.

– Можно мне туда пойти? – спросила Мери.

– Если хочешь... Только смотреть там нечего.

Мери ничего не ответила. Она направилась прямо по дорожке и прошла через вторую зеленую калитку. Там она опять увидела стены, опять зимние овощи и стеклянные рамы, но во второй стене была еще одна зеленая калитка, которая не была отперта. Быть может, она вела в тот сад, которого никто не видел уже десять лет.

Так как Мери никогда не была робкой и всегда делала все что хотела, то она подошла к зеленой калитке и повернула ручку. Она думала, что калитка не отворится, потому что ей хотелось верить, что она нашла таинственный сад, но калитка отворилась легко, и когда Мери прошла через нее, она очутилась в фруктовом саду. Он тоже был обнесен стеною, возле которой росли фруктовые деревья, но зеленой калитки там не было. Мери стала искать ее, потому что когда она дошла до другого конца сада, то заметила, что стена там не кончалась, а тянулась дальше. За стеной виднелись вершины деревьев, и, когда Мери остановилась, она увидела птичку с ярко-красной грудью, сидевшую на самой высокой ветви одного из них. Птичка вдруг запела почти в ту же самую минуту, когда увидела Мери, точно стала звать ее.

Мери остановилась и стала слушать; и почему-то такой веселый, ласкающий свист вызвал в ней приятное чувство. Даже угрюмый, неприветливый ребенок может чувствовать себя одиноким; а большой запертый дом, широкая обнаженная степь и обширные обнаженные сады вызвали в Мери такое чувство, как будто во всем свете никого не осталось, кроме нее одной. Если бы она была ласковым ребенком, который привык к тому, чтобы его любили, то она бы сильно затосковала, но даже угрюмая Мери чувствовала себя заброшенной, и веселая красногрудая птичка вызвала на ее хмуром лице нечто похожее на улыбку.

Она стояла и слушала птичку, пока та не улетела. Птичка эта вовсе не походила на птиц в Индии и очень понравилась Мери. Она подумала о том, увидит ли ее еще когда-нибудь. Быть может, она жила в таинственном саду и хорошо знала его!

Мери, вероятно, потому так много думала о запущенном саде, что ей нечего было делать.

В ней проснулось любопытство, и ей захотелось увидеть, что это за сад. Почему мистер Арчибальд Крэвен зарыл ключ? Если он так любил свою жену, почему он так ненавидел ее сад? Она подумала о том, увидит ли она когда-нибудь мистера Крэвена, и решила, что если увидит, то он ей не понравится, она ему тоже не понравится, и она будет стоять и смотреть на него, не говоря ни слова, даже если ей страшно захочется спросить его, почему он сделал такую странную штуку.

«Я никогда не нравлюсь людям, и люди не нравятся мне, – подумала она. – И я никогда не умела говорить так, как дети Моррисона. Они всегда говорили, и смеялись, и шумели».

Она подумала о красношейке, как она запела будто ради нее одной, и, вспомнив о дереве, на котором сидела птичка, внезапно остановилась.

– Мне кажется, это дерево растет в таинственном саду, я уверена в этом, – сказала она. – Там была стена, но не было калитки.

Она вернулась в первый фруктовый сад и нашла там старика, который копал землю. Она подошла, остановилась возле него и несколько минут холодно смотрела на него.

Он не обратил на нее внимания, и она наконец заговорила с ним.

– Я была в остальных садах, – сказала она.

– Тебе ничто не помешало, – брюзгливо ответил он.

– Я зашла во фруктовый сад.

– Там у калитки собак нет, – ответил он.

– Но там больше нет калитки в другой сад, – сказала Мери.

– В какой сад? – спросил он грубо, на секунду перестав копать.

– В тот сад, по другую сторону стены, – ответила Мери. – Там есть деревья – я видела их верхушки. На одном из них сидела птичка с красной грудью и пела.

К ее великому удивлению, выражение его угрюмого обветренного лица вдруг переменялось. По лицу медленно расползлась улыбка, и у старого садовника вдруг стал совсем другой вид. Мери вдруг подумала – и это показалось ей странным, – что человек выглядит гораздо лучше, когда он улыбается. Прежде она никогда не думала об этом.

Садовник вдруг обернулся в сторону фруктового сада и начал

свистеть – тихо и нежно. Мери никак не могла понять, как такой угрюмый человек мог издавать такие ласкающие звуки.

В следующую минуту произошло нечто удивительное. Она услышала мягкий шелест крыльев в воздухе – это летела к ним птичка с красной грудью. Она уселась на большой глыбе земли, очень близко к ноге садовника.

– Вот она, – ласково сказал садовник и стал говорить с птичкой, точно с ребенком: – Ты где была, маленькая попрошайка? Я тебя только сегодня увидел!

Птичка наклонила головку набок и глядела прямо на него своим блестящим глазом, похожим на капельку черной росы. Она, казалось, ничуть не боялась, она прыгала и быстро долбила клювом, отыскивая семена и насекомых. В сердце Мери шевельнулось какое-то странное чувство, потому что птичка была такая веселая и красивая и казалась настоящей особой. У нее было маленькое толстое тельце, тоненький клюв и тоненькие стройные ножки.

– Она всегда прилетает, когда вы ее зовете? – почти шепотом спросила Мери.

– Да, почти всегда. Я знаю ее с тех пор, как она была маленьким птенчиком. Она вылетела из гнезда в другом саду и когда в первый раз перелетела через стену, то была слишком слаба, чтобы улететь назад; в эти несколько дней мы и подружились. Когда она опять улетела по другую сторону стены, все остальные птицы уже покинули гнездо; она осталась совсем одна и вернулась ко мне.

– Что это за птичка? – спросила Мери.

– А ты не знаешь? Это малиновка, ласковая, любопытная птичка. Эти птички почти так же ласковы, как и собачки, если только уметь с ними обходиться. Посмотри-ка, как она тут роется и поглядывает на нас! Она знает, что мы о ней говорим!

И старик с любовью и гордостью посмотрел на красногрудую птичку.

– И любопытна же она, – продолжал он со смехом, – всегда является посмотреть, что я сажаю. Она все это знает. Мистер Крэвен ничуть об этом не заботится. Это она главный садовник.

Птичка продолжала прыгать, усердно клюя что-то и по временам поглядывая на них обоих. Мери казалось, что ее глазки, похожие на капли черной росы, смотрели на нее с большим любопытством, как будто она хотела познакомиться с нею поближе. В сердце Мери шевельнулось какое-то странное чувство.

– А куда улетели остальные птенцы? – спросила Мери.

– Неизвестно. Старые птицы выталкивают их из гнезда и учат летать, и все они очень скоро разлетаются в разные стороны. А эта вот была умница и поняла, что она одинока.

Мери подошла поближе к птице и пристально поглядела на нее.

– Я одинока, – сказала она.

Мери прежде не понимала, что именно это и делало ее такой кислой и сердитой; она, казалось, поняла это только тогда, когда поглядела на птичку, а птичка на нее.

Старый садовник сдвинул шапку со своей лысой головы и с минуту смотрел на Мери.

– Это ты – девочка из Индии? – спросил он.

Мери кивнула головой.

– Неудивительно, что ты одинока, – сказал он.

Он снова начал копать, всаживая заступ глубоко в жирную черную землю, а птичка все прыгала вокруг него с озабоченным видом.

– Как вас зовут? – спросила Мери.

Он выпрямился, чтобы ответить ей.

– Бен Уэтерстафф, – сказал он и потом добавил с кислой улыбкой: – Я тоже одинок, когда ее нет со мной! – Он ткнул пальцем в направлении птички. – Она мой единственный друг.

– А у меня совсем нет друзей, – сказала Мери, – и никогда не было. Моя айэ не любила меня, и я никогда ни с кем не играла.

Йоркширцы обычно откровенно высказывают свои мысли, а старый Бен был настоящий йоркширец.

– Ты и я очень похожи друг на друга, – сказал он. – Мы с тобой вытканы из одних и тех же нитей. Оба мы некрасивы, и оба на самом деле так же кислы, как выглядим. Бьюсь об заклад, что у нас обоих одинаково скверный характер.

Это было довольно прямо и резко, а Мери Леннокс никогда в жизни не слышала правды о себе. Слуги в Индии всегда преклонялись и подчинялись, что бы с ними ни делали. О своей наружности она вообще никогда не думала, но теперь ей пришла в голову мысль, действительно ли она так непривлекательна, как и Бен, и был ли у нее такой же кислый вид теперь, как и до появления птички. Ей стало не по себе.

Близ нее вдруг раздалась ясная, чистая трель, и она быстро обернулась. Она стояла в нескольких шагах от молодой яблони, на одной из ветвей которой уселась малиновка и начала петь. Бен рассмеялся.

– Почему она запела? – спросила Мери.

– Она решила подружиться с тобой, – ответил Бен. – Ты ей, видно, пришлась по нраву!

– Я?! – воскликнула Мери и шагнула поближе к яблоне, глядя наверх. – Хочешь подружиться со мной? – сказала она птице, как будто говорила с человеком. – Хочешь?

Она сказала это не своим обычным чопорным тоном и не повелительным «индийским» тоном, но так нежно и ласково, что старый Бен был так же изумлен, как и она, когда впервые услышала, как он свистел.

– Как ты это хорошо и ласково сказала, – воскликнул он, – как будто ты и в самом деле ребенок, а не чопорная старуха! Ты говорила почти так же, как Дикон говорит со своими любимцами в степи.

– А вы знаете Дикона? – спросила Мери, быстро обернувшись к нему.

– Его все знают. Дикон ходит повсюду. Даже ягоды и цветы его знают. Я думаю, что ему лисицы показывают, где их детеныши, и жаворонки от него не прячут гнезд.

Мери очень хотелось задать еще несколько вопросов. В ней заговорило такое же любопытство по отношению к Дикону, как и по отношению к заброшенному саду. Но в эту минуту малиновка, которая перестала петь, тряхнула крыльшками, расправила их и улетела.

– Она перелетела по ту сторону стены! – воскликнула Мери, следя за ее полетом. – Она полетела во фруктовый сад... а теперь она уже за второй стеной... в том саду, где нет калитки!

– Она там живет, – сказал старый Бен, – там она вылупилась из яйца где-нибудь между розовыми кустами.

– А там есть розовые кусты? – спросила Мери.

Бен снова взялся за заступ и начал копать.

– Были... десять лет тому назад, – пробормотал он.

– Я бы хотела их увидеть, – сказала Мери. – Где зеленая калитка? Где-нибудь ведь должна быть калитка!

Бен сунул заступ глубоко в землю, и вид у него стал такой же недружелюбный, как и в первую минуту, когда Мери увидела его.

– Была... десять лет тому назад, а теперь ее нет, – сказал он.

– Нет калитки! – воскликнула Мери. – Она должна быть!

– Нет ее, и никто ее не может найти, и никого это не касается. А ты не будь надоедливой и не суй своего носа куда не надо! Ну, мне теперь надо работать. Ступай себе играть; у меня больше нет времени!

И он перестал копать, вскинул заступ на плечо и отошел, не взглянув на нее и даже не простившись.

Глава VI

На первых порах один день был похож на другой для Мери Леннокс. Каждое утро она просыпалась в своей комнате с ткаными обоями и видела Марту, стоящую на коленях возле камина, чтобы развести огонь; каждое утро она завтракала в своей «детской», где ей нечем было развлечься, и каждый день после завтрака смотрела в окно, на обширную степь, которая раскидывалась во все стороны и сливалась с горизонтом; посмотрев некоторое время, она приходила к заключению, что, если она не выйдет, ей придется сидеть без всякого дела, и поэтому она выходила.

Через несколько дней, проведенных почти исключительно на свежем воздухе, она проснулась однажды утром очень голодная. Усевшись завтракать, она уже не оттолкнула чашки с презрительным видом, но сразу взяла ложку и стала есть; ела она до тех пор, пока чашка не стала пустой.

– Ты отлично справилась с этим сегодня, – сказала Марта.

– Сегодня это было очень вкусно, – сказала Мери, сама немного удивленная.

– Это степной воздух дает тебе аппетит, – сказала Марта. – Ты счастливица: у тебя не только аппетит есть, но и еда. А у нас в коттедже – нас двенадцать человек – у всех желудки, а положить в них нечего. Ты играй на воздухе каждый день и не будешь такая желтая.

– Я не играю, – сказала Мери. – Мне нечем играть.

– Нечем играть! – воскликнула Марта. – Наши дети играют прутьями, камешками, бегают, кричат, смотрят на все кругом.

Мери не кричала, но тоже стала рассматривать все; больше ей нечего было делать. Она обходила вокруг садов, бродила по дорожкам парка. Иногда она искала старого Бена и хотя несколько раз видела его за работой,

но он был или слишком занят, или слишком угрюм, чтоб поглядеть на нее. Однажды, когда она направилась к нему, он поднял свой заступ и отвернулся, как будто нарочно.

Чаще всего она гуляла по тропинке возле стены, окружавшей сады. По обе стороны тропинки были незасаженные клумбы, а стены заросли густым плющом. В одном месте вьющаяся темно-зеленая листва была особенно густа, как будто за ней долгое время никто не присматривал.

Спустя несколько дней после встречи с Беном Мери заметила это и остановилась, удивляясь, почему это так. Она стояла и смотрела на ветку плюща, качавшуюся от ветра, как вдруг перед ней блеснуло что-то красное и послышалось звучное чириканье. На стене сидела малиновка старого Бена, глядя вниз, с вытянутой шейкой и наклоненной набок головкой.

– О! Это ты! – крикнула Мери, и ей ничуть не показалось странным, что она заговорила с птичкой, как будто та могла понять ее или ответить ей.

Птичка действительно ответила ей: она защебетала и запрыгала, словно рассказывала ей о чем-то. Мери засмеялась, и когда птичка пустилась лететь вдоль стены, она побежала за ней. Бедная маленькая Мери – худая, желтая, она в эту минуту казалась почти красивой.

– Я люблю тебя! – крикнула она и даже попыталась засвистать, чего вовсе не умела делать. Но птичка казалась вполне довольной: она тоже стала свистать в ответ и, наконец, расправив крылья, смело взлетела на вершину дерева, уселась там и громко запела.

Это напомнило Мери тот день, когда она впервые увидела птичку. Тогда птичка качалась на вершине дерева, а Мери стояла в фруктовом саду. Теперь она была с другой стороны фруктового сада и стояла на тропинке возле стены, за которой виднелось то же самое дерево.

– Это тот сад, в который нельзя войти, – сказала она самой себе. – Это сад без калитки, и там живет птичка. Как бы мне хотелось посмотреть, что там такое!

Она обошла вокруг стены, тщательно осматривая ее, и убедилась, что калитки в ней не было.

– Это очень странно, – проговорила она. – Бен сказал, что калитки нет, и ее таки нет. Но десять лет тому назад была калитка, потому что мистер Крэвен зарыл ключ в землю.

Все это дало столько пищи ее уму, что она заинтересовалась и решила, что не жалеет о том, что приехала в Миссельтуэйт-Мэнор.

В Индии ей всегда было жарко, и она всегда чувствовала такую истому, что ничем не могла заинтересоваться. Свежий степной ветер точно сдувал паутину с ее маленького мозга и оживлял ее.

Она почти весь день провела на свежем воздухе и когда села ужинать вечером, то была очень голодная, сонная и чувствовала приятную усталость.

Она не рассердилась, когда Марта начала болтать, и чувствовала, что ей даже приятно слушать ее; наконец она решила задать ей один вопрос. Задала она его после ужина, усевшись на ковре пред камином.

– Почему мистер Крэвен так не любит этот сад? – спросила она.

Она заставила Марту остаться после ужина, и Марта не противилась. Она была очень молода, привыкла к жизни в коттедже, полном братьев и сестер, и ей было очень скучно внизу, в огромной людской. Марта любила поговорить, а эта странная девочка, которая жила в Индии и имела черных слуг, была для Марты особенно привлекательной новинкой.

Марта уселась на ковре у камина, не дожидаясь приглашения.

– Ты все еще думаешь об этом саде? – спросила она. – Так я и знала. То же самое было и со мной, когда я впервые услышала об этом.

– Почему он его так ненавидел? – настаивала Мери.

Марта поджала под себя ноги и уселась поудобней.

– Послушай-ка, как ветер воет вокруг дома, – сказала она. – Ты теперь не могла бы устоять на ногах, если бы вышла в степь!

– Почему же он его так ненавидел? – опять спросила Мери. Она хотела узнать это, раз Марта тоже знала.

Мери стала выкладывать пред нею свой запас сведений.

– Помни, – сказала она, – миссис Медлок приказала не разговаривать об этом. Здесь есть многое, о чем нельзя разговаривать. Таковы приказания мистера Крэвена. Он говорит, что его несчастья – не наше дело. Если бы не этот сад, он бы не был таким. Это был сад миссис Крэвен; его разбили, когда они только что повенчались. Она очень любила этот сад, и они вместе ухаживали за цветами; ни одного садовника не пускали в сад. Мистер Крэвен с женой уходили в сад, затворяли за собой калитку и по целым часам сидели там, разговаривая и читая.

Она была молоденькая, совсем девочка! В саду стояло старое дерево с согнутой ветвью, вроде скамейки. Она посадила вокруг него розы и всегда сидела на этой ветви. Однажды, когда она там сидела, ветвь сломалась, она упала на землю и так сильно ушиблась, что на завтра умерла.

Доктора думали, что он сойдет с ума и тоже умрет. Поэтому-то он так ненавидит этот сад. С тех пор туда никто не заходил, и он никому не позволяет даже говорить о нем.

Мери больше не задавала вопросов. Она смотрела на красное пламя и прислушивалась к вою ветра, который завывал все громче.

В эту минуту с ней происходило нечто очень хорошее. Это случилось

с нею уже в четвертый раз с тех пор, как она приехала. Первое было то, когда ей показалось, что она поняла малиновку, а малиновка ее; второе, что она бегала на свежем воздухе, пока не разгорелась ее кровь; третье, что она впервые в жизни испытала настоящий голод; четвертое, когда она поняла, что значит пожалеть кого-нибудь. Она делала успехи.

Прислушиваясь к вою ветра, она стала прислушиваться еще к чему-то. Она не знала, что это было, потому что сначала едва могла отличить это от завывания ветра. Это был странный звук – казалось, будто где-то плакал ребенок. Иногда самый звук ветра походил на плач ребенка; но Мери скоро разобрала, что звук раздавался в доме, а не вне дома. Он раздавался где-то очень далеко, но внутри дома. Она обернулась и посмотрела на Марту.

– Ты слышишь, как кто-то плачет? – спросила она.

Марта вдруг смутилась.

– Нет, – ответила она, – это ветер. Иногда кажется, как будто кто-то заблудился в степи и плачет.

– Но послушай, – сказала Мери. – Это где-то в доме, в одном из этих длинных коридоров.

В эту минуту где-то внизу, очевидно, открыли дверь: сильный ветер ворвался в коридор, и дверь комнаты, где они сидели, с треском отворилась. Обе они вскочили на ноги, но в этот момент свет погас, и звук плача пронесся по коридору, более явственный, чем прежде.

– Вот! Слышишь! – воскликнула Мери. – Я тебе говорила! Это кто-то плачет, и это не взрослый человек.

Марта подбежала к двери, затворила ее и повернула ключ; но прежде чем она успела сделать это, они услышали, как в одном из коридоров с шумом захлопнулась дверь, и потом все стихло; даже ветер на несколько секунд перестал выть.

– Это был ветер, – упрямо сказала Марта. – А если не ветер, то маленькая судомойка, Бетти. У нее целый день болели зубы.

Какое-то странное замешательство в ее манерах заставило Мери пристально взглянуть на нее. Ей показалось, что Марта не говорит правды.

Глава VII

На следующий день дождь лил ливнем, и когда Мери выглянула из окна, степи почти не видно было из-за серого тумана. В такой день нельзя было выйти.

– Что вы делаете в вашем коттедже, когда идет такой дождь? – спросила она Марту.

– Стараемся не попасть друг другу под ноги, – ответила Марта. – Ведь нас так много! Мать очень добрая, но и она теряет терпение. Старшие дети идут играть в хлев. А Дикон не обращает никакого внимания на дождь – он все равно уходит, как и в солнечный день. Он говорит, что в дождь видит все то, что не показывается в ясную погоду.

Раз он нашел маленькую лисичку, которая чуть не утонула в своей норе, и принес ее домой за пазухой, чтобы отогреть. Старую лису убили неподалеку, а нору затопило, и остальные детеныши утонули. Она и теперь у него.

А еще раз он нашел маленькую ворону, тоже принес домой и приручил. Зовут ее Сажа, потому что она очень черная, и она повсюду скачет и летает следом за ним.

К этому времени Мери уже перестала относиться недружелюбно к фамильярным разговорам Марты. Она даже стала находить их интересными и жалела, когда Марта уходила. Рассказы ее айэ, когда она жила в Индии, совершенно не походили на рассказы Марты о степном коттедже, где в четырех комнатах помещалось четырнадцать человек, которые никогда не наедались досыта.

– Если б у меня была лисичка или ворон, я бы могла играть с ними, – сказала Мери, – но у меня никого нет.

– Ты вязать умеешь? – спросила Марта.
– Нет! – сказала Мери.
– А шить умеешь?
– Нет!
– А читать умеешь?
– Да.
– Так почему же ты не читаешь или не поучишься складывать?
– У меня нет книг, – сказала Мери. – Те, что у меня были, остались в Индии.

– Очень жаль! – сказала Марта. – Если б миссис Медлок позволила тебе войти в библиотеку! Там тысяча книг!

Мери не спросила, где помещалась библиотека, потому что в голове ее блеснула новая мысль. Она решила сама отыскать библиотеку. Мысль о миссис Медлок ничуть не смущала ее. Миссис Медлок почти всегда сидела в своей уютной комнате внизу. В этом странном доме никого не было, кроме слуг, которые в отсутствие господина жили вольной жизнью в нижнем этаже, где помещалась огромная кухня, увешанная блестящей медной и оловянной посудой, и большая столовая для слуг.

Мери регулярно присылали завтрак, обед и ужин. Марта прислуживала ей, но никому не было до нее ни малейшего дела. Миссис Медлок заходила к ней раз в день или в два дня, но никто не спрашивал Мери, что она делает, и никто не говорил ей, что ей надо делать. Она думала, что это, вероятно, был английский обычай – так относиться к детям. В Индии ей всегда прислуживала ее айэ, которая ходила следом за ней и исполняла все ее желания, и очень часто ее общество надоедало Мери. Теперь же никто за нею не ходил, и она приучилась одеваться сама, потому что каждый раз, когда она хотела, чтобы ее одели или подали что-нибудь, у Марты был такой вид, как будто она считала Мери очень глупой и бестолковой.

– Разве у тебя ума нет? – спросила Марта однажды, когда Мери стояла и ждала, пока она ей наденет перчатки. – Наша Сюзан вдвое смысленнее тебя, а ей всего четыре года. Иногда ты кажешься совсем глупышкой.

После этого Мери целый час дулась, но это возбудило в ней много новых мыслей.

После того как Марта подмела пол и ушла вниз, Мери еще около десяти минут стояла у окна; она была занята той новой мыслью, которая явилась у нее, когда она услышала о библиотеке. До самой библиотеки ей было мало дела, потому что ей не очень-то хотелось читать, но разговор о ней напомнил ей рассказ о сотне комнат с затворенными дверями.

Она думала, на самом ли деле все они заперты и что бы она увидела, если бы могла войти в одну из комнат. Неужели их была сотня? Почему бы ей не пойти посмотреть, сколько она насчитает?

Ее никогда не учили спрашивать позволения сделать что-нибудь, она не знала, что значит авторитет, и ей не могла прийти в голову мысль спросить позволения миссис Медлок, даже если б она ее увидела.

Она отворила дверь, вышла в коридор и пустилась бродить. Это был длинный коридор, из которого шли еще другие; ей пришлось подняться на несколько ступеней, потом еще на несколько. Повсюду были двери, двери, а на стенах висели картины. Иногда на них были изображены странные темные ландшафты, но по большей части это были портреты мужчин и дам в странных пышных костюмах из атласа и бархата.

Скоро она очутилась в длинной галерее, стены которой были сплошь увешаны такими портретами. Она никогда не думала, что их может быть такое множество в одном доме.

Она медленно прошла по галерее, глядя на лица портретов, которые, казалось, глядели на нее. Ей чудилось, будто они удивляются, что девочка из Индии очутилась у них в доме.

Там были и портреты детей – девочек в тяжелых атласных платьях, доходивших до самого пола, и мальчиков с длинными волосами,

в кружевных воротниках.

Она всегда останавливалась у портретов детей, думая о том, как их звали, куда они исчезли и почему носили такую странную одежду. Один портрет изображал чопорную некрасивую девочку, похожую на нее самое. На ней было зеленое глазетовое платье, а на пальце сидел зеленый попугай. Взгляд у нее был острый и любопытный.

– Где ты теперь живешь? – громко спросила ее Мери. – Я бы хотела, чтобы ты была теперь здесь.

Ни одна девочка, вероятно, никогда не проводила время так странно. Ей казалось, что во всем громадном доме была только одна она – маленькая девочка в черном платье, бродившая вниз и вверх по лестницам, по широким или узким коридорам, по которым никто, кроме нее, никогда не ходил.

Если было построено столько комнат, то в них, вероятно, жили люди когда-то, но теперь повсюду было так пусто, что ей не верилось, будто это могло быть так на самом деле.

Когда она добралась до второго этажа, ей вздумалось повернуть ручку одной из дверей. Все двери были затворены, как ей сказала миссис Медлок, и она взялась за ручку одной и повернула ее. Она немного испугалась, когда почувствовала, что ручка повернулась очень легко и что при первом толчке сама дверь медленно и тяжело отворилась. Это была массивная дверь, которая вела в большую спальню. На стенах были тканые обои, а около стен стояла мебель с инкрустацией – такая, какую она часто видала в Индии. Широкое окно свинцовым переплетом выходило в степь, а над камином висел еще один портрет чопорной некрасивой девочки, которая, казалось, глядела с большим любопытством, чем прежде.

– Быть может, она когда-нибудь спала здесь, – сказала Мери. – Она так смотрит на меня, что я себя чувствую как-то странно.

После этого она открыла еще несколько дверей, потом еще несколько. Она видела столько комнат, что начала уставать, и решила, что их, вероятно, была сотня, хотя она и не считала. Во всех комнатах были старые картины или старые тканые обои со странными изображениями, и почти в каждой комнате была странная мебель и странные украшения.

В одной комнате, похожей на дамский будуар, обои были бархатные, а в шкафчике стояло около сотни маленьких слонов, выточенных из слоновой кости. Все они были различной величины, и у некоторых на спинах были паланкины или погонщики. Мери видела такие вещички в Индии; открыв дверь шкафчика, она стала на маленькую скамеечку и начала играть ими. Когда ей это надоело, она расставила слонов

в прежнем порядке и затворила дверь шкафчика.

Бродя по длинным коридорам и нежилым комнатам, она не встретила ни одного живого существа, но в этой комнате увидела его.

После того как девочка затворила дверцу шкафчика, она услышала какой-то легкий шорох. Она вскочила и стала осматривать стоявший у камина диван, откуда этот шорох слышался. В углу дивана лежала бархатная подушка, в которой была дыра, а из этой дыры выглядывала крохотная головка с парой испуганных глаз.

Мери осторожно подошла поглядеть. Блестящие глаза принадлежали маленькой серой мышью, которая прогрызла дыру в подушке и устроила там жилье. Возле нее лежало шестеро спящих мышат.

– Если бы они не испугались, я бы их взяла с собой, – сказала Мери.

Она так долго бродила по дому, что очень устала и вернулась обратно. Два-три раза она заблудилась, повернув не туда, куда следовало, и ей пришлось бродить взад и вперед по коридорам, пока она не попала в тот, куда ей надо было. В конце концов она очутилась на том этаже, где жила, но на некотором расстоянии от своей комнаты и не сразу могла разобрать, где она находилась.

– Мне кажется, я опять повернула не туда, куда следовало, – сказала она вслух, стоя в конце короткого коридора с ткаными обоями на стенах. – Не знаю, куда идти. Как тихо всюду!

Она еще стояла там и не успела еще кончить фразы, как тишину вдруг нарушил звук. Это опять был крик, но непохожий на тот, который она слышала прошлой ночью. Это был отрывистый крик – капризный визг ребенка, полузаглушенный стенами.

– Это ближе, чем было тогда, – сказала Мери, сердце которой забило сильнее, – и это плач. – Она нечаянно дотронулась рукой до ковра и испуганно отскочила назад. Ковер прикрывал собою дверь, которая отворилась; за этой дверью было продолжение коридора, по которому шла миссис Медлок со связкой ключей в руке и с сердитым выражением лица.

– Ты что здесь делаешь? – спросила она, схватив Мери за руку и оттащив ее в сторону. – Я что тебе говорила?

– Я повернула не в тот коридор, – объяснила Мери. – Я не знала, куда идти, и услышала, что кто-то плачет.

В эту минуту она возненавидела миссис Медлок, но в следующую минуту возненавидела ее еще больше.

– Ты ничего такого не слыхала, – сказала экономка. – Пойди к себе в детскую, не то я тебя отдеру за уши.

Она схватила ее за руку, таща и толкая по коридору, пока, наконец,

не втокнула в ее собственную комнату.

– А теперь, – сказала она, – ты лучше седи, где приказано, не то тебя запрут. Мистер Крэвен должен взять тебе гувернантку, как обещал. За тобой надо строго присматривать, а у меня и так работы довольно.

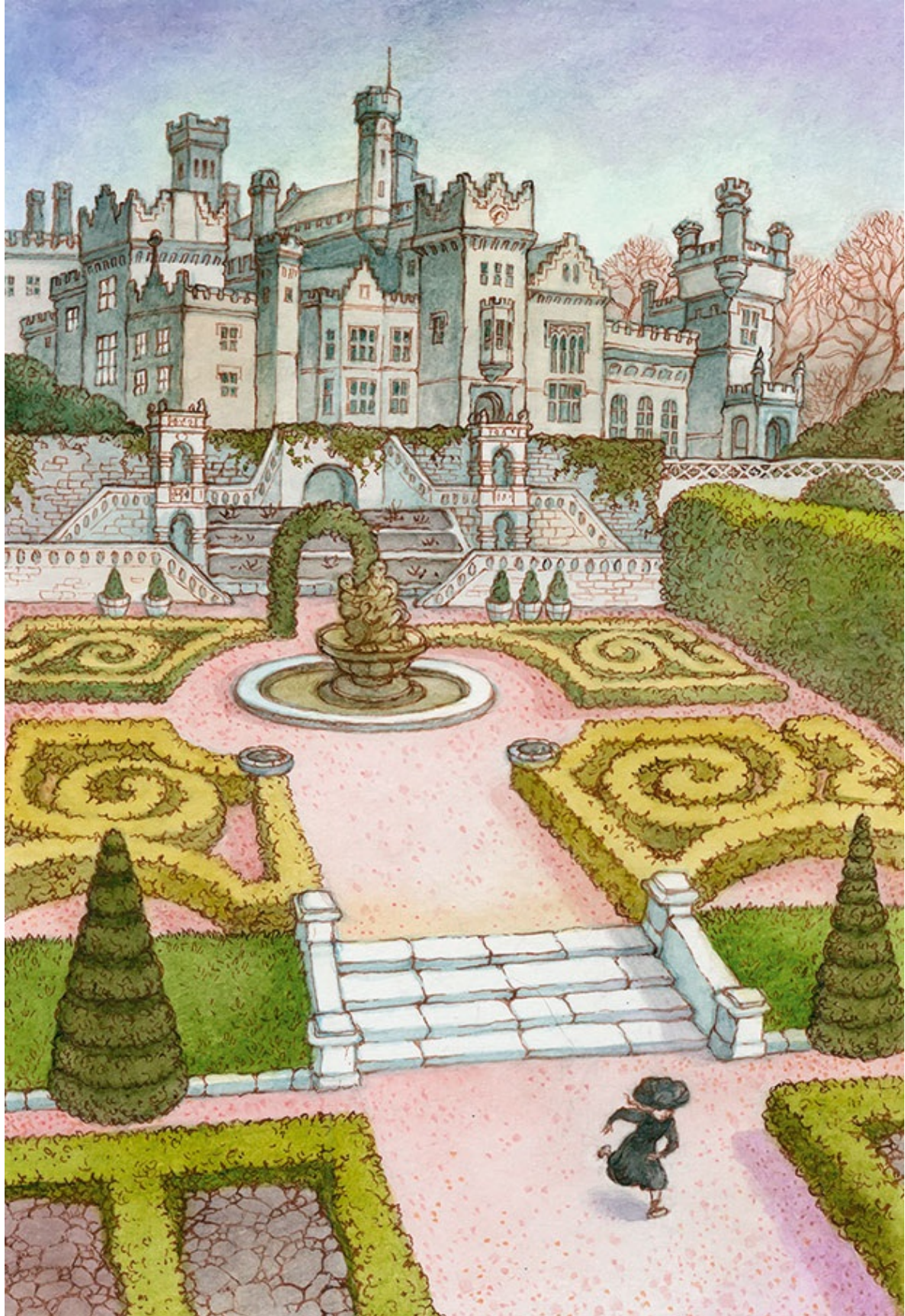
Она вышла из комнаты, громко хлопнув дверью. Мери села на ковер возле камина, вся бледная от гнева. Она не заплакала, но заскрежетала зубами.

– Кто-то плакал... плакал... плакал, – сказала она себе самой.

Она дважды слышала крик и решила, что когда-нибудь узнает, в чем дело. В это утро она уже узнала многое. Она чувствовала себя так, будто совершила длинное путешествие и, во всяком случае, немного развлеклась: она успела поиграть костьюными слонами и видела серую мышшь с детенышами в норке в бархатной подушке.

Глава VIII

Через два дня после этого, когда Мери проснулась утром, она сейчас же села в постели и позвала Марту:

– Посмотри-ка на степь! Посмотри-ка.

Дождь прекратился, а облака унесло ветром. Ветер тоже утих, над степью высился ярко-голубой свод неба. Мери никогда даже не снилось, что небо бывает такое голубое. В Индии небо всегда было точно раскаленное, а здесь оно было такого ярко-голубого цвета, что казалось каким-то чудным, блестящим, бездонным озером; там и сям, высоко в этом голубом своде, носились маленькие белые перистые облачка. Широкий простор степи тоже был мягко-голубой, а не мрачно-багряный или серый.

– Да, буря прошла, – радостно сказала Марта. – Всегда бывает так в это время года – за ночь все проходит, как будто бури никогда не было и никогда не будет. Это потому, что весна идет. Она еще далеко, но все-таки идет.

– А я думала, что в Англии всегда дождь и всегда хмуро, – сказала Мери.

– О, нет! – сказала Марта. – В Йоркшире, когда ясно, то яснее, чем везде на свете. Я тебе говорила, что ты привыкнешь и станешь любить степь. Ты только подожди – увидишь, как зацветут золотистый дрок, и вереск, и пурпурные колокольчики; станут порхать бабочки, зажужжат пчелы и запоют жаворонки. Тогда тебе захочется встать на рассвете и быть целый день в степи, как делает наш Дикон.

– А можно будет мне пойти туда? – с любопытством спросила Мери, глядя в окно на голубой простор.

– Не знаю, – ответила Марта. – Мне кажется, что ты от роду

не пользовалась своими ногами, ты не могла бы пройти пяти миль. До нашего коттеджа ведь пять миль.

– Мне хотелось бы видеть ваш коттедж, – сказала Мери.

Марта с секунду пристально глядела на нее, потом снова взялась за свои щетки и стала чистить каминную решетку. Она подумала, что в эту минуту маленькое некрасивое личико девочки вовсе не казалось таким кислым, как в то утро, когда она впервые увидела ее.

– Я спрошу мою мать, – сказала она. – Она всегда найдет способ сделать что надо. Сегодня – мой день, и меня отпускают домой. Я очень рада! Миссис Медлок очень уважает мою мать, может быть, она с нею поговорит.

– Я люблю твою мать, – сказала Мери.

– Еще бы! – сказала Марта, продолжая чистить.

– Я ее никогда не видала, – сказала Мери.

– Конечно, нет, – ответила Марта, – но она такая умная, работающая, добрая, опрятная, что ее любят все, кто видел и кто не видел. Когда я иду домой по степи, я прыгаю от радости.

– Я люблю и Дикона, – добавила Мери, – а я и его никогда не видала.

– Я уже говорила тебе, – гордо сказала Марта, – что его любят и птицы, и зайцы, и дикие овцы, и даже лисицы. Знаешь ли, о чем я думаю, – добавила она, сосредоточенно глядя на девочку, – понравилась бы ты Дикону или нет?

– Не понравилась бы, – сказала Мери своим чопорным, холодным тоном. – Я никому не нравлюсь.

– А сама себе ты нравишься? – спросила Марта, как будто ей на самом деле надо было знать это.

Мери с секунду колебалась, как бы обдумывая ответ.

– Нет... совсем не нравлюсь, – ответила она. – Но до сих пор я никогда не думала об этом.

Марта ушла, как только подала Мери ее завтрак. Ей предстояло пройти пять миль по степи, чтобы добраться до своего коттеджа.

Зная, что Марта ушла, Мери почувствовала себя особенно одинокой. Она быстро выбежала в сад и сначала обежала десять раз вокруг фонтана; ей стало немного веселее. Потом она отправилась в фруктовый сад и там увидела Бена, который работал с двумя другими садовниками. Перемена погоды, очевидно, хорошо подействовала на него, и он сам заговорил с Мери.

– Весна идет, – сказал он. – Чуешь ее запах?

Мери понюхала воздух.

– Пахнет чем-то хорошим, свежим и влажным, – сказала она.

– Это землей пахнет, – объяснил Бен. – Вон там, в цветниках, скоро все зашевелится в темноте, под землей. Солнце греет, и ты увидишь, как из-под земли скоро станут показываться зеленые острия...

– А что это будет? – спросила Мери.

– Подснежники, нарциссы... Ты их когда-нибудь видела?

– Нет. В Индии все зелено, и тепло, и влажно после дождей. Мне кажется, что там все вырастает в одну ночь.

– Нет, это не вырастет в одну ночь, – сказал Бен. – Тебе придется ждать и следить!

– Буду, – ответила Мери.

Скоро она услышала мягкий шелест крыльев и сразу догадалась, что это опять прилетела малиновка. Она была очень хлопотлива и весела, прыгала возле самых ног Мери и, склонив головку набок, так хитро глядела на нее, что Мери спросила Бена:

– Вы думаете, она меня помнит?

– Помнит ли! – негодуяще воскликнул Бен. – Да она знает всякую кочерыжку в овраге, не только людей. Она здесь никогда не видала маленькой девочки, и ей хочется все разузнать про тебя...

– А в том саду, где она живет, тоже все шевелится под землей? – спросила Мери.

– В каком саду? – проворчал Бен, опять став угрюмым.

– А там, где розовые кусты. – Мери не могла удержаться от этого вопроса, потому что ей страшно хотелось узнать. – Там все цветы умерли или некоторые оживают летом? А розы там есть?

– Спроси у нее, – сказал Бен, двинув плечом в направлении малиновки. – Она одна это знает. Там уже десять лет никто не бывал.

Мери подумала, что десять лет – очень долгий срок. Она родилась целых десять лет тому назад.

Она отошла, медленно соображая. Она начинала любить сад, как полюбила птичку, и Дикона, и мать Марты. Она начинала любить и Марту тоже. Ей казалось, что она любит очень многих людей, в особенности потому, что не привыкла любить никого. (Она и о птичке думала как о человеке.)

Она вышла на дорожку возле заросшей плющом стены, над которой виднелись верхушки деревьев, и, когда проходила по ней во второй раз, с ней случилось нечто интересное и удивительное, и все благодаря птичке Бена Уэтерстаффа.

Мери услышала щебетанье птицы и, посмотрев на обнаженную клумбу слева, увидела малиновку, которая прыгала и делала вид, что вытаскивает что-то из земли, как будто желая доказать Мери, что вовсе не следовала за нею. Но Мери знала, что она шла следом за нею, и это наполнило ее таким восторгом, что она даже задрожала.

– Ты помнишь меня! – воскликнула она. – Помнишь! Ты красивее всего на свете!

Мери болтала и манила птичку, а птичка прыгала и чирикала, точно разговаривая с нею.

Цветочная клумба была не совсем обнажена; на одном конце ее росла группа кустов, и когда малиновка прыгала меж ними, Мери заметила, что она перепрыгнула через маленькую кучку свежевзрытой земли. Земля была взрыта потому, что собака старалась поймать крота и вырыла довольно глубокую яму.

Мери посмотрела на это, не зная даже, каким образом там оказалась яма, и вдруг увидела нечто, почти совсем прикрытое свежевскопанный землей. Это было нечто похожее на ржавое железное или медное кольцо; когда малиновка взлетела на дерево, Мери протянула руку и подняла кольцо. Оказалось, что это не кольцо, а старый ключ, который, похоже, очень долгое время был зарыт в земле.

Мери поднялась и с испуганным лицом поглядела на ключ, висевший у нее на пальце.

– Он, может быть, был зарыт целых десять лет, – сказала она шепотом. – Это, может быть, ключ от того сада!

Глава IX

Мери долгое время смотрела на ключ, вертела его во все стороны и все думала о нем. Как уже было сказано прежде, она не была таким ребенком, которого приучили спрашивать позволения или совета старших относительно чего бы то ни было. Она думала о ключе только то, что если этот ключ от запертого сада и если она могла бы отыскать калитку, то можно было бы отпереть ее этим ключом, посмотреть, что находится за стенами и что случилось со старыми розовыми кустами.

Ей очень хотелось видеть этот сад только потому, что он был заперт такое долгое время. Ей казалось, что этот сад какой-то особенный и что в течение десяти лет там должно было произойти нечто удивительное. Кроме того, она думала, что если сад ей понравится, то можно будет ходить туда каждый день, запирасть за собой калитку и играть совсем одной. Никто не знал бы, где она, потому что все думали бы, что калитка заперта и ключ зарыт в землю. Эта мысль очень понравилась ей.

Она жила почти одна в большом доме с сотней таинственных запертых комнат и не находила ничего, что могло бы занять или развлечь ее, и именно это расшевелило ее дремавший мозг и разбудило ее воображение. Этому, конечно, немало способствовал и чистый, бодрящий, свежий воздух степи. В Индии Мери всегда было жарко и она всегда была такая вялая и слабая, что у нее не возникало никаких желаний, здесь же ей хотелось сделать что-нибудь новое.

Она положила ключ в карман и стала ходить взад и вперед по дорожке. По ней, казалось, никто никогда не проходил, кроме Мери, и она могла прохаживаться очень медленно, глядя на стену или, лучше сказать, на покрывавший ее плющ. Этот плющ сбивал ее с толку: сколько она ни глядела, она ничего не видела, кроме частых блестящих темно-зеленых листьев. Она была очень разочарована; ей казалось нелепым то, что она так близко и не может войти внутрь. С ключом в кармане она отправилась домой, решив, что во время прогулок всегда будет носить его в кармане, чтобы быть готовой, если она найдет скрытую калитку.

Миссис Медлок позволила Марте ночевать в коттедже, но на следующее утро она снова была за работой, более румяная, чем всегда, и в прекрасном расположении духа.

– Я встала в четыре часа, – заговорила она. – Как славно в степи утром: солнце восходит, птицы просыпаются, зайцы снуют повсюду. Я не всю дорогу прошла пешком, меня какой-то мужчина подвез на тележке.

И она пустилась рассказывать, как хорошо она провела свой свободный день. Мать ей очень обрадовалась, и они справились и со стиркой, и с печеньем. Она даже каждому из детей испекла по сладкому пирожку.

Они были горячие, когда дети пришли из степи. И в доме так хорошо пахло горячей выпечкой, и огонь так хорошо пылал в очаге, что дети визжали от радости. Наш Дикон говорит, что у нас в коттедже так хорошо, что сам король мог бы жить в нем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

---

notes

СНОСКИ

1

Так называют в Индии белых женщин.